

Когда 8-летнего Юру Башмета привели впервые в музыкальную школу — это было во Львов, в 1960 году, — педагоги заявили со всей определенностью: «У мальчика нет слуха». Он, как выяснилось, не мог «чисто» пропеть те ноты, которые играли ему на рояле. В школу в конце концов его все-таки приняли: оказалось, что слух у него есть — и самой высшей пробы.

У Башмета и вправду есть удивительная черта: стоит ему выйти на эстраду и начать играть, как слушатели тут же превращаются в его творческих единомышленников. Им всегда интересно с ним — это главное!..

Первый альтист мира.

ПЕРВЫЙ АЛЬТИСТ МИРА

ЕГО НАЧАЛИ учить играть на скрипке. Однако Юру в ту пору гораздо больше интересовала гитара и музыка в стиле «битлз». «Я создал эстрадный ансамбль, в который вовлек несколько своих сверстников, — вспоминает он. — Мы играли на танцах в клубе и немного подзарабатывали этим. Хотя, конечно, не в заработке было главное для меня. Я играл на гитаре, на электрооргане, а когда требовалось — и на других инструментах. Вроде бы неплохо получалось у меня и на ударных... Позже, когда мода на «битлз» прошла, я увлекся рок-джазом». Впрочем, стать профессионалом в области джаза Башмету было не суждено. Классическая музыка притягивала его все больше и больше — в единоборстве с джазовым музицированием она явно брала верх. Скрипку он, правда, оставил, но только ради ее ближайшего родственника — альты, полюбив этот инструмент за его красивый, благородный звук. А когда на Всеукраинском конкурсе учащихся музыкальных школ он завоевал первую премию (1970 г.), вопрос о его будущей специальности решился окончательно и бесповоротно.

По совету мамы он переехал на учебу в Москву, в консерваторию.

«Мама не была профессиональным музыкантом, но обладала великолепной природной интуицией, — рассказывает Башмет. — Она давала мне очень верные советы — и в жизни, и в музыке. Я до сих пор стараюсь все в своих делах сверять по ее критериям».

Когда-то известный одесский педагог, профессор Столярский (учитель Давида Ойстраха и других прославленных скрипачей) говорил: «Я, конечно, всегда рад иметь талантливых учеников, но еще больше я радуюсь талантливым мамам...» Сказано будто бы специально в адрес матери Юрия Башмета.

В консерватории и аспирантуре юноша учился у выдающихся альтистов — Вадима Борисовского и Федора Дружинина; у второго из них на протяжении целых шести лет.

«У нас с Федором Серафимовичем разные характеры, разные творческие индивидуальности. Может быть, это и хорошо. Общение с ним несомненно принесло мне большую пользу. Его высокая профессиональная культура, его строгое и возвышенное отношение к музыке «заражали» всех, кто находился рядом с ним, кто занимался у него, — в том числе и меня».

В студенческие годы у Башмета произошла еще одна знаменательная встреча. Жизнь свела его с человеком, который, не будучи формально его педагогом, оказал сильнейшее воздействие на него. Этим человеком был Святослав Рихтер. Он и мет входил в число участников студенческого ансамбля, с которым прославленный пианист исполнял тогда сочинения А. Берга и П. Хиндемита. Рихтер не мог, естественно, не обратить внимания на ярко одаренного юношу. Тем более что этому помог случай. Ансамбль должен был отправиться вместе с Рихтером на гастроли за рубеж, однако в последний момент выяснилось, что Башмету отказано в заграничном паспорте. Кто-то «наверху» засомневался — а вернется ли он?.. Рихтер незамедлительно объявил, что в таком случае он тоже отказывается от поездки («Замечать Башмета в ансамбле невозможно!», и — более того — отказывается в знак протеста от предстоящих ему в ближайшем будущем выступлений в Москве. Паспорт Башмету выдали. А вскоре начались их совместные с Рихтером концерты в России и за ее пределами.

«Что меня всегда поражало в Святославе Теофиловиче, — говорит Башмет, — это его

скажем, певцам. Дело в том, что его инструмент, альт, издавна считался незаменимым в камерном ансамбле, в симфоническом оркестре, но не более того: права на самостоятельное сценическое существование за ним как-то не признавалось. Башмету предстояло изменить такое положение вещей, отвести и наглядно опровергнуть все предубеждения, связанные с дорогим ему сердцу музыкальным инструментом. И он сделал это.

В 1983 году в Большом зале Московской консерватории состоялось первое за всю историю этой сцены сольное выступление альтиста. А затем начались все более интенсивные и длительные гастрольные Башмета по различным городам Европы, Азии, Америки. Сегодня, пожалуй, трудно назвать страну, где его не знали бы, где у него не было бы восторженных почитателей. Музыкальная критика, что российская, что зарубежная, с полной определенностью и уверенностью называет его первым альтистом мира. И тут она права...

В характере Башмета есть одна примечательная черта: ему постоянно нужно сделать нечто такое, чего прежде еще не делалось им. Взять какие-то новые творческие рубежи, отметить принципиально новые вехи в своем движении вперед. И чем ему будет труднее при этом, тем лучше. Как говорится, больше чести... Так, в середине 80-х годов он решил создать камерный оркестр. И — создал, став его дирижером и художественным руководителем. Поначалу все шло прекрасно. Оркестр — ему дали имя «Солисты Москвы» — быстро набирал творческую высоту. В восторге были музыкальные критики, отовсюду шли заманчивые приглашения на гастроль. (Особенно после нескольких грамзаписей, сделанных новым коллективом и получивших самую высокую оценку специалистов).

Увы, финал этого начинания оказался для Башмета разочаровывающим. Не секрет, сегодня многие музыканты (да и не только они, разумеется) пытаются каким-то образом обосноваться за рубежом: там и потише, и поспокойнее, и комфорта побольше, и т. д., и т. п. Словом, можно переждать наше российское лихолетье. Получили приглашение поработать за границей, во французском городе Монпелье, и «Солисты Москвы». А получив, перебрались в далекую и прекрасную Францию со всеми своими чадами и домочадцами.

Москва осталась без «Солистов», солисты — без Москвы.

Башмет же порывать с Россией категорически отказался.

«Тут у меня все, чем я по-настоящему дорожу в жизни, — родные, близкие, друзья: тут консерватория, которую я окончил в свое время и в которой сегодня преподаю. И потом: какие бы трудности ни переживала ныне Москва, она все равно остается одним из крупнейших культурных центров мира. Один Большой зал консерватории чего стоит... Как и все артисты, наши и не наши, я отношусь к нему с глубоким благоговением... Я много гастрольную, мне нужна свобода — поехать туда, куда я хочу, и на такое время, какое мне требуется для концертной работы. Но во мне, понимаете ли, постоянно живет «чувство дома»: я должен знать, что обязательно вернусь сюда, встречу со всем, что мне близко и дорого...».

Итак, перебираться на Запад вместе с оркестром Башмет категорически отказался. К тому же обнаружилось еще одно любопытное обстоятельство. Обретя благополучное, безмятежное

сытое существование, бывшие «Солисты Москвы» стали хуже играть — парадокс, которым, к слову сказать, пестрит история искусства. Что-то безнадежно разладилось в этом великолепно отрегулированном еще вчера механизме. И Башмет поставил окончательную точку в своих взаимоотношениях с недавними сотоварищами по сцене.

Казалось бы, после всех этих трудных и болезненных перипетий он должен был навсегда заречься от организации новых оркестров. Однако случилось по-иному.

«Видите ли, в Московской консерватории много талантливого молодежи — скрипачей, альтистов, виолончелистов. У них нет еще настоящего дела, которое могло бы увлечь их, заставить всецело сконцентрироваться на чем-то... Учеба — учебной, но поиграть в профессиональном оркестре для молодых людей очень полезно. Лучшего учения не придумаешь. Вот я и подумал: а почему бы и нет? Почему бы не попробовать еще раз? Дело-то интересное, нужное. Да и многие импресарио и менеджеры подталкивали меня к этому — им хотелось, чтобы «Солисты Москвы» — пусть в новом варианте — продолжили бы свое сценическое существование».

Говорят, что студенты Московской консерватории с огромным энтузиазмом восприняли инициативу Башмета. Тем, кому посчастливилось быть отобранными во вновь создаваемый коллектив, работали на репетициях как одержимые. Буквально на лету схватывали каждое слово знаменитого маэстро, с рвением выполняли каждое его указание.

«В один прекрасный день я подумал, что, в общем, все к лучшему. У артистической молодежи нет в игре тех штампов и стереотипов, которыми грешат порой их старшие коллеги. И есть искренняя увлеченность музыкой, которая передается и мне самому...».

А вскоре состоялся и дебют «Солистов Москвы»-2. Они дали благотворительный концерт в фонд восстановления и реконструкции Большого зала консерватории. Успех был полным и безоговорочным. Оркестр «состоялся» — это было ясно всем, и Башмету в том числе. Все вернулось для него на круги своя.

...Сегодня он ведет на редкость интенсивную и разнообразную деятельность — по-прежнему много гастролирует, учит студентов, работает со своим оркестром, выступает по случаю перед телекамерой. Передача с его участием «Вокзал мечты» давно уже пользуется симпатиями гелезрителей I канала «Останкино». А недавно прошел фестиваль Башмета в Лондоне. Четыре вечера подряд публика до краев заполняла один из лучших залов столицы Великобритании, где Башмет выступал в сопровождении оркестра (дирижировал Валерий Гергиев), а также со своим давним партнером по сцене, пианистом Михаилом Мунтяном. Лондонская пресса была заполнена в это время восторженными откликами рецензентов, которые с упоением писали о чарующем звучании альты Башмета, о его легкой, окрыленной виртуозности; в то же время отмечалась глубина и психологическая значительность его трактовок, указывалось на счастливое умение музыканта устанавливать прямой и непосредственный контакт с аудиторией.

У Башмета и вправду есть удивительная черта: стоит ему выйти на эстраду и начать играть, как слушатели тут же превращаются в его творческих единомышленников. Им всегда интересно с ним — это главное! — интересно, ибо в сценическом творчестве Башмета постоянно ощущается какая-то неожиданность, импульсивность, непредсказуемость в лучшем смысле этого слова.

«Я полагаю, — говорит Башмет, — что как бы тщательно ни подготовил артист свою программу, в его исполнении на сцене должно быть нечто такое, чего не было раньше, в домашней «заготовке». И это, на мой взгляд, основное, решающее в искусстве концертного музыканта. Называйте это импровизационностью, если хотите, — не в названии дело. Понимаете ли, что-то должно рождаться прямо на сцене, спонтанно, в присутствии публики, приходит как счастливое творческое озарение. Только тогда выступление можно назвать удачным».

Есть известный афоризм: легче стать чемпионом мира, чем удержать за собой это звание. Так бывает не только в спорте, и в искусстве тоже. Прище снискать себе звонкий титул «первого альтиста мира», нежели сохранить его за собой. Пока Башмет вне конкуренции. Слишком значителен его отрыв от остальных, если продолжить аналогию со спортом.

Ну а завтра? Завтра будет видно. Одно можно с уверенностью сказать: там, где Башмет — как художник, как личность, — пребывает ныне, завтра его уже не будет. Опять и опять его придется догонять...

Геннадий ЦЫПИН,
профессор.
Фото ИТАР-ТАСС.